

— Папа, куда ты ходил? Почему штаны мокрые? — спросил Чэн Чжисун.

— Дедушка, у тебя в ведре креветки? Тетя Хэ сказала, что вы ходили их ловить.

...

Семья наслаждалась теплой атмосферой, и у старика даже глаза немного покраснели. Чэн Кэ улыбнулся:

— Все, идите помогать. Мы наловили много креветок.

Семья собралась вокруг, и вскоре началась готовка. Кухня наполнилась ароматами, а Чэн Кэ, прислонившись к дверному косяку, не мог скрыть улыбки.

— Эй, второй дурачок из семьи помещиков.

Чэн Кэ обернулся:

— Что?

— Ты же собираешься сдавать творческий экзамен? У меня тут есть материалы, хочешь?

Чэн Кэ взглянул и увидел, что это данные о поступлении в художественные школы за последние годы, включая задания, тренировочные таблицы и даже анализ экзаменаторов. Он тут же сказал:

— Да, хочу.

— Даже не назвал меня старшим братом, а уже хочешь. Не дам.

— Старший брат.

Чэн Цзылинь бросил Чэн Кэ папку с материалами. Тот с улыбкой принял ее и сказал:

— Спасибо.

— Не благодари. После каникул не ходи в школу. Я найму тебе репетитора на двадцать дней. Через двадцать дней ты будешь готов к экзамену, согласен?

Чэн Кэ был переполнен благодарностью:

— Спасибо, старший брат.

— Не надо пустых слов.

— А? — Чэн Кэ задумался, затем раскрыл объятия, чтобы обнять Чэн Цзылиня, но тот оттолкнул его, прижав голову рукой. — Я имел в виду, чтобы ты больше ел! Ты такой худой, мои усилия пропадут зря?!

Чэн Кэ только что согласился с Чэн Цзылинем, как ему позвонил Чжоу Юньчуань. В трубке голос Чжоу Юньчуаня сказал:

— Чэн Кэ, я подготовил для тебя курс, специально для поступления в художественные вузы. После того как мы закончим с промоушеном на каникулах, приходи.

Чэн Кэ слегка повернул голову к Чэн Цзылиню:

— Мой старший брат тоже подготовил для меня курс, тоже для экзаменов.

Там Чжоу Юньчуань на миг замер, вспомнив Чэн Цзылиня, и сказал:

— Я нашел для тебя опытных актеров и даже преподавателей из Киноакадемии.

— Опытные актеры? Преподаватели из Киноакадемии? — Чэн Кэ взглянул на Чэн Цзылиня и, увидев, как тот сердито смотрит на него, твердо сказал:

— Тогда я все равно пойду на курс моего старшего брата!

Сказав это, Чэн Кэ решительно положил трубку и с улыбкой посмотрел на Чэн Цзылиня.

Тот кивнул, а Чжоу Юньчуань с раздражением слушал гудки в трубке, думая: «Хотел угодить этому маленькому божеству, а тут такие сложности. Как же это раздражает!»

Когда семья села за стол, большой восьмиугольный стол поставили в центре гостиной, недалеко от печи, где было тепло и уютно.

Чэн Чжисун и Чэн Чжибай тоже были необычайно рады. Многолетние разногласия с дедушкой наконец разрешились.

Дедушка тоже был счастлив и прямо сказал:

— Ладно, теперь я доволен. Через пару дней я позову юриста и разделю свои акции. У меня сейчас тридцать процентов акций Корпорации Чэн. Старший и второй сын, вы получите по десять процентов, Цзылинь, Цзытао и Кэ — по три процента. У вас есть возражения?

Все подумали и, конечно, не возражали. Что касается оставшегося одного процента, они, естественно, знали, кому он предназначался. Дедушка не мог позволить, чтобы Чэн Чжилинь умер с голоду, и у того уже было полтора процента. Добавив один процент, он мог получать несколько миллионов в год. Если год был удачным, доходы Корпорации Чэн росли, и он мог получать еще больше. Однако тридцать процентов дедушкиных акций, из которых он получил всего один процент, действительно были малы.

Ни у кого не было возражений, но Чэн Кэ сказал:

— Дедушка, мне не нужно. Я уже говорил, что мне никогда не нравилось заниматься бизнесом.

Хэ Цзяхуэй тоже заговорила:

— Дедушка, вы дали мне три процента. Давайте я передам их Кэ в следующем году, а вам не нужно будет давать ему оставшиеся. Его сердце не в бизнесе, он хочет играть.

Чэн Кэ и Хэ Цзяхуэй так сказали, и Чэн Чжисун с Чэн Чжибай не могли больше требовать долю Чэн Кэ. К тому же три процента их не волновали, поэтому Чэн Чжисун сказал:

— Получи свои акции и просто забирай деньги каждый год. Никто не ожидает, что ты будешь помогать.

Чэн Чжибай тоже сказал:

— Играй свои роли, ни о чем больше не думай. Держи акции, вдруг однажды ты захочешь снять фильм, и у тебя не будет денег.

Чэн Цзылинь и Чэн Цзытао тоже заговорили:

— У нас свои дела, нам не нужны твои три процента.

— Именно, если ты будешь хорошо есть, это уже лучше всего.

Чэн Кэ посмотрел на них, хотел что-то сказать, но дедушка остановил его:

— Кэ, я знаю, что ты не хочешь заниматься Корпорацией Чэн. Нам хорошо, когда семья в согласии. Просто помни о семье. Максимум, когда ты станешь знаменитым, не бери плату за рекламу у своих дядьев.

Семья рассмеялась, и Чэн Кэ мог только смириться.

Когда обед подходил к концу, дедушка снова заговорил:

— Этот дом никому не достанется. Кэ уже говорил, что хочет его. Но у меня в Пекине еще несколько домов, их я Кэ не отдам. Как вы думаете?

Старший дядя покачал головой:

— Этот дом слишком далеко, нам он не нужен. Но Кэ в Пекине нужно оставить дом. Папа, если ты не оставишь ему, я через несколько дней куплю ему один. Размер не важен, но без дома в Пекине ему будет неудобно.

— Ладно, решайте сами.

В общем, семья наслаждалась обедом, и наследство было разделено, но разделено в согласии. Они также молчаливо договорились не сообщать Чэн Чжилиню, потому что знали, что он снова начнет скандалить.

Дедушка больше не хотел видеть Чэн Чжилиня, поэтому он не спешил возвращаться в Пекин, а Чэн Чжилинь даже не подумал поехать в уезд Пу, чтобы навестить отца.

После обеда семья отправилась прогуляться в горы, смеясь и разговаривая.

Когда они уходили, дедушка начал раздавать подарки: чистую фасоль, замороженные дикие овощи, сушеные финики и хурму, и даже несколько бутылок вина, которое он сам приготовил. Когда они ушли, Чэн Кэ с улыбкой сказал:

— Дедушка, вы оставили мою долю?

Дедушка, видя, как дети уходят, чувствовал легкую грусть, но Чэн Кэ остался, и он снова обрадовался.

— Не волнуйся, разве я забуду?

Чэн Кэ улыбался, а дедушка с гордостью водил его по соседям, представляя его каждому:

— Это мой внук, красивый, правда? Мой внук не только красивый, но и талантлив. С детства умеет петь Пекинскую оперу, а теперь еще и снимается в кино...

Чэн Кэ шел за бабушкой, сохраняя улыбку. Он должен был поддерживать лицо бабушки. Иногда, когда люди слышали, что Чэн Кэ умеет петь Пекинскую оперу, они просили его спеть, и он не стеснялся, начинал петь, его голос был громким, движения точными, и сразу было видно, что он не новичок.

Бабушка, слыша первые похвалы, продолжал хвастаться:

— Конечно, он талантлив. Вы помните Новогодний гала-концерт XX года? В музыкальном монтаже был ребенок, это он. А еще в XX году он участвовал в Новогоднем концерте на канале Пекинской оперы, просто был в гриме, и вы его не узнали.

Бабушка с гордостью водил Чэн Кэ по округе, а вернувшись, они вместе поужинали, посмотрели на звезды, и бабушка первым лег спать.

Чэн Кэ смотрел на звездное небо, достал телефон, сделал фото и отправил его Чжоу Юньчуаню с подписью:

[Красиво?]

Чжоу Юньчуань только что поужинал, и, увидев фото звездного неба, его глаза слегка сузились. Он ответил:

[Красиво.]

[Я смотрю сам, отправляю тебе, как будто ты смотришь со мной.]

Чжоу Юньчуань, читая сообщение, становился все счастливее:

[Можешь вернуться на день раньше?]

[Почему?]

[Потому что через два дня нам нужно будет ездить, и у нас не будет времени на прогулки.]

Чэн Кэ смотрел на звездное небо, долго молчал, а затем подумал: «Как же найти оправдание?!»

На следующий день днем Чэн Кэ сказал, что его съемочная группа должна выехать на день раньше, поэтому ему пришлось уехать раньше. Бабушка, видя его нежелание уезжать, улыбнулся:

— Не будь таким. Я же не умру. Если занят, то занят. Когда сдашь гаокао, проведи со мной больше времени летом.

Чэн Кэ согласился:

— Хорошо, все лето я проведу с тобой.

<http://bllate.org/book/16558/1511240>